

садом, описание которого дается в начале повести: пустые дачи, «измельчавшие, редкие, точно выродившиеся» розы, «холодные, высокомерные георгины с травянистым грустным запахом» — «покорно» засыпающая природа. И — «Вера была строго проста, со всеми холодна... любезна, независима и царственно спокойна».

В это ледяное спокойствие каким-то неудобным клином «врываються» чувства молодого человека. Куприн отказывается от прямого проникновения во внутренний мир героини. Символическими деталями окружающего мира, тоном авторской речи, передачей предчувствий, интуитивных жестов героини раскрыто ее внутреннее состояние. От недовольства в связи с нарушением Желтковым приличий до переоценки смысла бытия — таков диапазон психологических изменений Шеиной.

Переломным моментом для Веры становится прощание с прахом Желткова. Глядя на его одухотворенное лицо, «она поняла, что та любовь, о которой мечтает каждая женщина», существовала на самом деле, но «прошла мимо нее». При звуках бетховенской сонаты (прослушать ее завещал Георгий) она переживает духовное единение с человеком, отдавшим свою душу и жизнь ей. Ответное чувство Веры состоялось, пусть «одно мгновение, но навеки», пробудив ее мысль, жажду прекрасного, поклонение духовной гармонии.

Любовь, как сила, способная преобразовать мир, всегда привлекала Куприна. Но он был очень чуток и к страшным процессам измельчания, искажения, гибели этого врожденного дара. Такая трагедия выражена в повести «Яма» (1915). Автор размышляет здесь о причинах такого общественного зла, как существование публичных домов. Причем писатель далек от однозначных, чисто социологических толкований. С одной стороны, проституция объясняется порочными физиологическими склонностями людей, точнее — их неумением управлять своими чувственными порывами, сочетать их с запросами нравственности и духовности. Художник еще раз выражает свой идеал жизни и любви, передавая его в суждениях репортера Платонова, с гуманными целями наблюдающего нравы Ямков и мечтающего о книге, открывающей истинный смысл «общественного темперамента»: «Человек рожден для великой радости, для широкой, свободной, ничем не стесненной любви». Но реализация этой мечты возможна лишь в «прекрасной утопии». В действительности же существуют грязные отношения в публичных домах, напоминающие поведение «мух, самцов и самок», с низменными потребностями, «точно у соучастников одного и того же грязного и ненужного преступления». Куприн не скупится на нелюбезные, натуралистические описания и детали, что и вызвало упрек критики в слишком пристальном внимании к биологическим факторам. Писатель же изначально попытался объяснить с читателем в посвящении к произведению: «Знаю, что многие найдут эту повесть безнравственной и неприличной, тем не менее от всего сердца посвящаю ее матерям и юношеству». Автор не затенил страшной правды, так как хотел предостеречь молодежь от нравственного падения, пробудить в ее душе ненависть к пороку и желание противостоять ему.

С другой стороны, писатель обнаруживает и другие истоки проституции. Первоначально ее обличение Куприн вкладывает в уста Платонова, укрупняя и углубляя его представление на протяжении всего произведения. Публичная женщина, по мнению репортера, — «общественный сосуд, клоака», куда сбрасывает свои нечистоты мнимая цивилизация. И «благородные отцы семейств» всегда «узаконят и нормируют... разврат», поскольку «иначе он хлынет в их спальни и детские». Механическая, бездуховная антикультура таким образом пытается уберечься от разросшихся язв. А в результате еще совсем юные мальчики, повинувшись уродливым общественным традициям, приходят в вертепы, унижая и разрушая чистые чувства, — единственное, что, по убеждению самого Куприна, могло бы спасти человека и человечество.

Страшно нравственное падение посещающих дома терпимости Ямков — «Яму», но еще трагичнее удел живущих там, не только их положение, но и мироощущение. Куприн искусно вскрывает сознательное, инстинктивное и подсознательное поведение этих несчастных, оставшихся на уровне умственного развития 11-летних. Обитатели грязных притонов никогда не смогут уйти от порока, от восприятия мужчин как «клиентов» — покупателей женского тела. Мир обреченных на гибель женщин ограничивается стенами «заведения Анны Марковны», по сути его вечерними и ночными кошмарами.

Вся пагубность такого положения вещей раскрыта в судьбах Любки и Лихонина. Развращенный лжецивилизацией студент не только не находит в себе силы для спасения девушки, но толкает бедняжку еще глубже на дно. Сама Любка тоже не представляет себе другого, кроме привычного, физиологического, общения с Лихониным. «Случайной, короткой искренней любви» так и не суждено спасти ее.

Сила таланта писателя особенно ярко раскрылась в его глубоком проникновении во